

— Май месяц - последний месяц занятий в школе, а у Иринки - в двух. В общеобразовательной всё шло нормально - отличница, а вот в музыкальной... Ладно там тройки по специальности, дома за пианино из-под палки садится. Завал произошёл, как ни странно, с сольфеджио, ещё зимой. Ирина получила как-то пару, потом ещё одну, а потом... просто перестала ходить на сольфеджио, скрывая это от нас. Разумеется, долго скрывать невозможно, день разоблачения неминуемо наступил, скандал, слёзы...

— Я не буду больше ходить в музыкальную школу. У меня всё равно ничего не получается, - рыдала Ирина.

— Да ты не занимаешься, вот и не получается, - уверял её я. Так мы и препирались.

— Я стараюсь, а у меня не получается, - главное Иринино возражение.

— Мало стараешься, - главный мой довод.

— Сашуля была готова смириться с тем, чтобы бросить эту музыку:

— Зачем мучить себя, родителей, учителей? Всё равно толку никакого.

— Я категорически протестовал: - А что она будет делать, когда у неё столько времени высвободится? По улицам с девчонками шляться? Интересов у неё никаких других нет, да и откуда они теперь появятся? И потом, шестой класс ведь уже, столько сил, да и денег истрачено, полтора года осталось промучиться. Начала - доводи до конца. Сейчас бросит - будет прецедент, так и привыкнет бросать, когда трудно. Самый простой выход.

— А у Ирины ведь начинался как раз "трудный возраст", подростковый, 13 лет. Время, которое она отсиживала дома за пианино, большей частью пропадало даром, поскольку Ирина злилась на себя и на всех, рыдала, часто находилась на грани истерики, какие уж тут занятия.

— Как-то Сашулю вызвали в музыкальную школу вместе с Ириной. Сашуля пошла туда после работы прямо из кирхи, благо это рядом. Я поехал домой, а через некоторое время является Ирина. Я спрашиваю её:

— Ты с мамой в музыкальной была?

— Нет, - говорит.

— Почему? - спрашиваю.

— Не захотела, - и вызывающе так на меня смотрит.

— Езжай в школу, мама там уже.

— Не поеду.

— Я не выдержал и съездил ей по щеке с размаху. Ирина села на пол и завывала. Я бегал по квартире, чертыхался и читал мораль.

— Единственный раз я её ударил в жизни, причём от души, так меня её наглость возмутила. А наглость-то эта была с тоски, со страху. Разве родители понимают.

— И снова я вспоминаю себя в детстве, как ворочался в постели, переживая несправедливую обиду со стороны родителей и давая зарок:

— Вот вырасту большим, будут у меня свои дети, уж я то их буду понимать и никогда не обижу зря.

— Но всё же кризис как-то преодолелся. И сольфеджио Ирина как-то наверстала, на тройку, правда, сдала экзамен, но всё же. А по специальности на четыре. И то хорошо.

В мае очередная перерегистрация Митиной очереди в ясли. Собственно, в ясли уже не нужно, нужно в садик. Поэтому из очереди в ясли нас вычеркнули и поставили в очередь в садик, где мы и стояли, пока Митя не пошёл в школу. За это время рядом с нами (за Домом Быта) построили детский комбинат.

— Хроника июньских рыбалок: 4-го ездили с Серёжей под обсерваторию, бродили по камышам на утренней зоре. С шести до девяти утра я поймал четыре краснопёрки средних размеров и было ещё три поклёвки. И всё. 10-го ездил на Полесский канал. Очень хорошо

клевала среднекалиберная густёра. Поймал штук сорок, а кроме того 5 подлещиков и 2 плотвы (средние). В основном, на хлеб. Как обычно, подкармливал пшённой кашей.

—А рыбалка 17-го июня запомнилась мне особенно. 17-го была суббота, а в понедельник я должен был лететь в Томск. Там одно за другим проходили два всесоюзных мероприятия: семинар по моделированию ионосферы и конференция по распространению радиоволн. И там, и там у меня были заказные доклады - кураторский на семинаре по моделированию и "Вопросы детерминированного моделирования экваториальной ионосферы" на конференции по распространению. Второй доклад я подготовил в соавторстве с Суроткиным, у которого дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки и появились первые результаты. Предложение сделать этот доклад я получил ещё в конце декабря прошлого года. Его сосватала мне почему-то Наталья Павловна Бенькова, уж не знаю почему.

—Итак, билет на самолёт до Томска у меня был взят на понедельник, а выходные я собирался провести на рыбалке с ночёвкой в компании с Серёжей. Сашуля с Иринкой на выходные уехали в Ладушкин, а мы с Серёжей собирались выехать на мотоцикле в субботу после обеда, так как с утра у Серёжи в субботу лекции в университете. Не торопясь, я сложил всё своё рыбацкое барахло в коляску: удочки, рюкзак, стульчик, старые пальто из гаража для постели на ночь, водрузился сам на сиденье мотоцикла и поехал потихоньку, но не сразу к Серёже, а сначала на почту - отправить поздравительную телеграмму Жорке ко дню его рождения.

—И недалеко я ещё отъехал от дома (впереди шли люди, я посигналил, они не реагировали, я подал чуть влево, объезжая их), как вдруг ощутил резкий, сильный удар по ноге, по носку ступни, как будто споткнулся со всего размаху обо что-то. На пару секунд я от боли потерял сознание, но, к счастью, мотоцикл никуда не вынесло, да и ехал я не быстро. Когда я, придя в себя, остановился, осмотрелся, то понял, что произошло. Слева у дороги к тротуару притулился огромный булыжник сантиметров сорок в диаметре - кто и зачем его сюда приволок? Непонятно. Его-то я и зацепил левой ногой на ходу мотоцикла, когда объезжал прохожих.

—На почте я снял сапог и осмотрел ногу. Ударился я большим пальцем, он побелел, но видимых следов повреждения не было. Болела же вся ступня, причём очень сильно. И, главное, этой ступнёй передачи надо переключать, носком или пяткой. Носком на понижение, пяткой - на повышение передачи. Пяткой-то ничего, а вот носком... Хреновато. Я переставил рычаг переключения передач, задрав вверх его переднее плечо, чтобы давить на него не носком, а серединой ступни, и поехал к Серёже.

—Заявился к ним, хромая. Люда заахала:

—- Что с тобой?

—- Рассказал.

—- Ну, покажи ногу. Может, забинтовать или помазать чем надо.

—- Да ничего там нет. Ушиб просто.

—Но Люда заставила меня разуться и показать ногу. На пальце сверху появились какие-то волдырики, как при ожоге. Люда помазала мне палец одеколоном, подула на него. Вроде бы стало легче. Ну, ладно, что теперь делать. Лечить всё равно нечего. Чего там лечить? Так пройдёт.

—И поехали.

—Переключать передачи было, конечно, тяжело, но, к счастью, делать это нужно было только в городе, а дальше дуй на четвёртой, да сбавляй скорость на поворотах. В общем, доехали благополучно, и нога вроде стала болеть поменьше.

—Серёжа занял своё традиционное место на берегу канала, а я почему-то выбрал новое. А на новом месте дно неизвестное, и вскоре я зацепился крючком за какую-то коряжину. Ташу - не поддаётся. А на Полесском канале, напомним, ловить приходится прямо со склона дамбы, по верху которой идёт узкая асфальтированная дорога Полесск - Головкино. Я удилище положил комлем вверх по склону и тяну за леску, а удилище вверх

отодвигаю. И не заметил, что оно уж на дорогу вылезло. И тут - бац, треск! "Жигулёнок" какой-то промчался и расщепил мне бамбук комлевого колена. И леса лопнула, которую я тянул.

— Не везёт, так не везёт. Лучшее удилище сломал, самое длинное и лёгкое.

Перебинтовал я, однако, колено изолентой - вроде надёжно, снарядил всю снасть по новой, начал, наконец, рыбу ловить. Серёжа к этому моменту десятка полтора густеры и плотвы уже выловил. Но что-то у меня клевало плохо, нога ныла, и вдобавок ко всему я стал мёрзнуть. Погода портилась, дул ветер.

— "Но у нас с собой было". Уже темнело, надо было готовиться к ночёвке. Для согрева мы с Серёжей выпили по стаканчику водки и стали организовывать костёр. От водки я согрелся, настроение поднялось, и даже нога вроде бы болеть перестала. Мы развели костёр, достали съестное и до часу ночи примерно распивали у костра взятые с собой полторы бутылки. Пообсуждали университетские проблемы - я жаловался на Латышева, Серёжа на Брюханова, борьба с которым не утихала, но и не приводила к каким-либо существенным результатам. Захмелев, попели песни, и, наконец, стали укладываться на ночлег. Серёжа прямо у костра, а я в коляске мотоцикла.

— Уснул я сразу, но через два часа проснулся от холода и сильной ноющей боли в ноге. Ещё час я ворочался в коляске, пытаюсь уснуть, но боль усиливалась, и я уже думал только о том, как поведу мотоцикл обратно. В четыре утра я не выдержал и разбудил Серёжу.

— Серёж, собирайся, поехали-ка домой.

— А что такое?

— Да нога болит, ужас. Боюсь, потом ещё хуже будет, так я мотоцикл не смогу вести.

— А, может, половим немного?

— Нет, Серёженька, не могу терпеть. Да и выпивши к тому же. Сейчас на дороге нет никого, безопаснее ехать.

— Ну, что ж делать, - вздохнул Серёжа. - Поехали.

— Одно утешало, что погода испортилась и тихой зори не обещала. Ветер вовсю раздувал, северо-западный. Когда поехали, он дул сбоку, резал лицо. К тому же я неудачно надел шлем, перекошил что ли, так что он сдавил мне голову, и вдобавок к ноге голова ещё разболелась. Правда, сразу прошла, как только снял шлем, когда мы уже к гаражу приехали. В город мы въехали полшестого. Было, слава богу, пустынно, и я не обращал внимания на светофоры, чтобы не переключать передачи. Но вот и кирха, гараж.

— Слез с мотоцикла - на ногу не могу ступить. Стащил сапог посмотреть, как там палец. Вид у него стал совершенно безобразный: волдырики превратились в пузыри, сам палец распух, почернел, посинел и пожелтел, одновременно. Похоже на перелом. Как же я в Томск полечу? Завтра ещё в Москве кантоваться.

— Ну его к чёрту, куда я не полечу! - вдруг решил я и сразу почувствовал себя лучше. В самом деле, ну куда я с такой ногой? Вот только билет надо сдать сегодня до 11-ти часов, а то 10 % потеряю, а это семь рублей с копейками. Я попросил Серёжу:

— Подъездь ко мне часикам к девяти, пожалуйста. Я тебе билет и паспорт отдам, а ты в агентство съездишь, билет сдашь.

— Хорошо, - согласился покладистый Серёжа.

— Я доковылял до трамвая. Благо, что остановка и у кирхи рядом, и у дома. Дома я принял анальгин, рухнул в постель и моментально уснул. Проснулся - десять часов. Серёжа, наверное, тоже заснул и проспал, не приехал. Я заставил себя подняться с постели и поковылял сдавать билет. Еле-еле успел. После обеда приехала Сашуля и стала прогонять меня в травмпункт.

— А вдруг там перелом?

— Скорее всего. Ну и что?

— Надо же гипс наложить!

— Я и так не собираюсь палец тревожить. Они же мне всю ногу запакуют, совсем сустав закостенеет. Это же всё та самая несчастная левая нога, она ещё с прошлогоднего

перелома не разработалась по-настоящему.

— Сашуля, однако, настояла на своём. В травмпункте мне сделали рентген, установили перелом и чуть ли не всю ногу загипсовали. Перебита была не крайняя фаланга большого пальца, а предпоследняя. Я думал сначала, что ударился в камень носком сапога, а потом понял, что удар пришёлся по подошве, и палец прижало снизу к рычагу переключения передач, о который он и переломился. Если бы не сапог и толстый шерстяной носок, он бы вообще, наверное, перерубился бы.

— Вечером пришли Люда с Серёжей навестить страдальца. Оказывается, они приходили оба утром в девять, звонили, но я так крепко спал, что ничего не слышал.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)